

Воспоминания о Г. И. Жихареве

Ещё будучи учащимся Молодечненского музыкального училища, мы часто приезжали в Минск на всевозможные филармонические концерты и, конечно же, в консерваторию (ныне Белорусская государственная академия музыки) на ежегодные кафедральные конкурсы исполнителей на народных инструментах, организация и проведение которых проходили под руководством и председательством Георгия Ивановича. Именно на этих конкурсах я впервые увидела Г. Жихарева и услышала блистательную игру замечательного домриста Леонида Черняка, баянистки Светланы Лясун и многих других исполнителей, тогдашних студентов консерватории, ныне всеми уважаемых специалистов. Эти конкурсы, инициированные Г. Жихаревым, давали огромный стимул для нас учащихся, съезжавшихся на конкурс практически со всех музыкально-учебных заведений республики. Слушая игру конкурсантов, мы получали мощнейший заряд вдохновения и стремились к достижению таких же высот мастерства. После этих конкурсов мы занимались с удвоенной силой, задаваясь целью, во что бы то ни стало поступить в консерваторию, где готовят таких виртуозов.

Моя первая личная встреча с Георгием Ивановичем состоялась летом 1971 года, как раз накануне вступительных экзаменов в консерваторию, практически за два года до его кончины. Собственно с вопросом о порядке консультаций и вступительных экзаменах я и обратилась к нему прямо в фойе консерватории. Больше всего меня тогда поразили глаза Г. Жихарева. Это был глубокий пронизательный взгляд предельно уставшего человека. Глаза выражали невероятную усталость! У меня сжалось сердце...

Теперь с позиции времени, изучив и взвесив тот масштаб и громадный объем работы, которую проводил Г. Жихарев на протяжении всей своей жизни, я понимаю его тогдашнее состояние невероятной усталости в конце учебного года в

преддверии вступительной компании. Этот человек никогда не думал о себе. Несмотря на свою усталость и занятость, Георгий Иванович не отмахнулся от меня, не выразил нетерпения или поспешности, с которыми мы часто сталкиваемся в современной жизни. Он терпеливо и доходчиво всё объяснил и сразу же расположил к себе. В его облике чувствовалась уверенность, спокойствие и благожелательность. Однако на консультацию к Г. Жихареву я так и не пошла, потому что знала свою особенность собираться и выдавать наилучший результат в самый ответственный момент (на концерте или экзаменах). Решила не рисковать и не показывать свои репетиционные огрехи, дабы не испортить впечатление в глазах такого мэтра. Потом мне передавали, что Георгий Иванович интересовался у других абитуриентов: «Где та светленькая девочка, почему она не пришла на консультацию?». Подумать только, как можно было меня запомнить после беглого минутного разговора? Ну, пришла, не пришла, казалось бы, какая разница? Но, даже на этом первом этапе, когда мы только-только переступили порог консерватории, чувствовалась пристальное внимание Г. Жихарева буквально к каждой персоне, к каждому поступающему.

Этот человек вызывал доверие и вместе с тем какой-то необъяснимый трепет и громадную ответственность перед его непререкаемым авторитетом. Под неустанным руководством Г. Жихарева мы стремились играть как можно лучше. Каждый студент знал, что мы находимся под неусыпным и доброжелательным контролем заведующего кафедрой. Он хвалил нас за наши успехи, укорял за промахи. Он к каждому проявлял отеческую заботу. И эту заботу чувствовали все студенты, даже те, которые не были его непосредственными учениками по специальности.

Вот один показательный случай. Однажды я пришла на урок по дирижированию к И. Букрееву без дирижёрской палочки (уже, не помню, то ли я её забыла, то ли поломала). Игорь Сергеевич, сделав мне внушение, выпроводил из класса: «Иди, ищи дирижёрскую палочку, где хочешь, иначе поставлю н/б (пропуск занятий)». В то время отношение к пропускам и у студентов, и у администрации консерватории было очень

серьёзным. Я вышла из класса в слезах, с неразрешимой задачей: где раздобыть дирижёрскую палочку, когда коридоры пусты, все на занятиях, не бежать же мне в магазин. Иду и плачу, навстречу Г. Жихарев: «Что случилось, почему плачешь?» Отвечаю: «Так, мол и так, И. Букреев сказал, что поставит н/б, если не найду дирижёрской палочки». Георгий Иванович в ответ: «Ну что ж, идем со мной» и мы спустились с третьего этажа на первый. потом в подвал, в инструментальный кабинет, где хранились оркестровые инструменты, оркестровые партии, его заветный чемоданчик с партитурами. Там с верхней полки он достал целую связку дирижёрских палочек, вынул одну из них и вручил мне: «Вот возьми, дарю». Я, поблагодарив Г. Жихарева и воспрянув духом, вернулась на урок к И. Букрееву.

Вспоминая этот случай, я не перестаю удивляться поразительному участию и заботе Георгия Ивановича к каждому из нас. Кто из нынешних педагогов сегодня обратит внимание на плачущую студентку, и даже не из своего класса? А многие ли из педагогов не поленятся потратить своё драгоценное время и силы спуститься с третьего этажа в подвал, чтобы решить проблему студентки, попавшей в сложную ситуацию? Мелочная проблема, но если учесть, что такие проблемы студентов решал человек высокого ранга и авторитета, что он умел снизойти до наших мелочных проблем, умел позаботиться о каждом, говорят о многом. Вот это умение сочетать требовательность, постоянное пристальное внимание к каждому, заботу о каждом и доброту позволяли Г. Жихареву снискать величайшее уважение его учеников и коллег.

Весной 1973 года, в ясный солнечный день (заметим – весна, конец учебного года – время самого большого напряжения в учебном процессе) мы, студенты 2 курса работали на субботнике, убирали в близлежащем парке, когда пришла страшная весть – умер Георгий Иванович Жихарев. Это было громом среди ясного неба: как умер?.. Разве такое возможно? Почему умер? И что теперь с нами будет?.. Эта весть потрясла всех! День прошёл в тяжёлом ожидании неизвестного, а вечером, в общезитии, лёжа на кровати, отвернувшись к стене, я дала волю слезам. Плакала долго и безутешно. В то время у

меня были живы мои родители, родственники, я никого из близких тогда ещё не хоронила. Смерть Г. Жихарева на тот момент стала для меня первой большой утратой. Я впервые в жизни со всей полнотой ощутила боль потери значимого для себя человека. И это при том, что я не была его ученицей по специальности, я просто играла в оркестре под его руководством. Но он принимал у нас все зачёты, экзамены, открытые уроки, слушал все наши концерты. Он был самым внимательным и взыскательным критиком, мудрым советчиком. От его зоркого глаза не ускользало ни одно наше движение: будь то победа на конкурсе дирижёров (когда на первом курсе я заняла второе место), или прорыв по специальности. Георгий Иванович всегда находил слова поддержки, похвалы или строгого укора, если кто-то проштрафится (опоздает на оркестр, бросит свой инструмент после концерта, или сидит за пультом вразвалку).

Сейчас с позиции времени, возвращаясь к событиям прошлых лет, не перестаю удивляться феномену Г. Жихарева. Как ему удалось так глубоко войти в нашу жизнь (всего за 2 неполных года!), оставить такой неизгладимый след в судьбах многих людей, чтобы так тяжело переживать его утрату! Много ли сейчас найдётся примеров, когда студенты, ученики горько переживали бы уход своих педагогов? И будет ли кто-либо так скорбеть после нашего ухода?..

Время всё расставляет на свои места. И чем больше этот временной разрыв с момента кончины Георгия Ивановича, тем отчётливее проступает осознание той огромной роли, которую сыграл этот человек в жизни каждого, кому посчастливилось его знать, общаться с ним, учиться у него. В 1995 году впервые в Беларуси прошёл Республиканский фестиваль народно-инструментального исполнительства, посвящённый памяти Г. Жихарева.

Инициатором, организатором и вдохновителем этого фестиваля стала бывшая ученица Георгия Ивановича, заслуженная артистка Беларуси, ныне профессор БГАМ и мой замечательный педагог Галина Викторовна Осмоловская. С тех пор фестивали памяти Г. Жихарева проходят каждые пять юбилейных лет. Но тот первый фестиваль был самым

масштабным и по времени проведения (шёл практически неделю) и по количеству участников, съехавшихся со всей республики (оркестры, ансамбли, солисты – более 1000 человек). Мне довелось освещать это событие обзорной статьёй в журнале «Мастацтва», которая была напечатана в двух номерах № 3 и № 4 за 1996 год под названием «Свята памяці».

К тому времени у меня уже был кое-какой опыт работы в подобном жанре, но эта статья давалась особенно трудно. Такое масштабное событие «переварить», выделить главное, существенное и значимое было крайне сложно. В какой-то момент я даже пожалела, что взялась за эту работу. И вот однажды, после долгой напряжённой писанины, уже глубокой ночью, намаявшись, я вздремнула, и мне привиделся любопытный сон. Будто я пытаюсь выбираться из какого-то глубокого и широкого рва, кругом ни души. Мне трудно, страшно. И вдруг кто-то хватает меня сзади. Оборачиваюсь, а это Г. Жихарев. В следующий момент он берёт и целует мне руку... Вот такой вот сон. Спрашивается: что это, своеобразный посыл, благодарность сквозь время за мои титанические усилия увековечить его память в этой статье? Что бы там ни говорили, я трактую это именно так.